

УДК 316.624:328.185
ББК 60.524.258
М 69

В.А. Михайлюк,

преподаватель Краснодарского Университета МВД РФ, г. Краснодар, тел.: +79183135555, e-mail: alexandr01.87@mail.ru

АСОЦИАЛЬНАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ФЕНОМЕНА КОРРУПЦИИ (СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ)

(Рецензирована)

Аннотация. В данной статье исследуются особенности коррупционных проявлений в социуме на научном поле социологии культуры. Автором статьи представлен теоретический анализ специфики взаимовлияния механизмов развития коррупции и деструктивных тенденций в ментальности граждан современной России.

Ключевые слова: детерминация, коррупция, ментальность, мотив, правовая культура, социум, феномен.

V.A. Mikhailyuk,

Lecturer of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnodar, ph.: +79183135555, e-mail: alexandr01.87@mail.ru

ASOCIAL MENTALITY OF SOCIETY AS FACTOR OF DEVELOPMENT OF A PHENOMENON OF CORRUPTION (SOCIOCULTURAL ANALYSIS)

Abstract. This paper examines features of corruption in society within a scientific field of Sociology of Culture. The author presents the theoretical analysis of specifics of interaction of corruption development mechanisms and destructive tendencies in mentalities of citizens of modern Russia.

Keywords: determination, corruption, mentality, motive, legal culture, society, phenomenon.

Эффективное противодействие коррупционным проявлениям в современном обществе невозможно без глубокого осмысления социальных процессов, в результате которых возникло это явление. Ответы на вопросы о причинах возникновения коррупции, наличии факторов, конституирующих процесс её развития, структуре взаимоотношений индивида и общества, опосредованной данным феноменом, возможно получить, используя, прежде всего, научные методы познания социологии.

Методология социологического теоретизирования дает нам возможность выявить обусловленность связей между индивидуальным и общественным сознанием, осознать переход от дискретных коррупционных действий к системе взаимоотношений, деградирующей общество.

Основа данной методологии заложена в трудах классиков мировой социологии и представлена концепцией социологического реализма Э. Дюркгейма и социологического

номинализма М. Вебера. Она представляет возможность как изучения индивида сквозь призму социума, так и социума через его восприятие индивидом.

Исследуя процесс перехода от традиционного общества к индустриальному (постиндустриальному), следует обратить внимание на сущность важнейших процессов преобразований общества, характерных для всего мира, включая Россию.

Всеобъемлющий характер данных закономерностей дает нам возможность провести анализ возникновения и развития внутренней самодетерминации социума, продуцирующей коррупцию, основывая анализ указанных проблем социальной жизни на глубоком теоретико-понятийном фундаменте.

Необходимо отметить, что именно социологическая наука удовлетворяет потребность в знании, направленном на точное и глубокое определение социальных явлений и процессов. Исследуя теорию анализа социального взаимодействия, Э. Дюркгейм определил метод социологии. Он утверждал, что «социальные факты нужно рассматривать как вещи» максимально объективно и непредвзято, раскрывая логику их существования. «Социальные факты должны подтверждаться другими социальными фактами» [1; 395]. Этот подход развивает идеи, заложенные ранее основоположником социологии О. Конттом, о том, что истинная наука должна опираться на наблюдаемые, фиксируемые и повторяющиеся явления, тенденции [2; 11].

Таким образом, рассматривая явление коррупции как социальной действительности, мы имеем все основания объяснить его социальным характером и принятыми нормами взаимодействия индивидов, ценностями, которыми они руководствуются в конкретной ситуации.

Так, в рамках целостно-интегративного подхода задачей своего краткого анализа используемых

теоретико-методологических основ общесоциологических и междисциплинарных исследований, при изучении данного явления, считаем агрегацию достоверных и конкретно-обстоятельных знаний, имеющих практическую значимость для организации противодействия коррупции.

Таким образом, анализируя явление коррупции с точки зрения социологического знания, следует провести его дефиницию как социокультурного феномена, обособив аспекты, исследуемые в сфере юридических и экономических наук. С правовой и экономической точек зрения, коррупция (от лат. *corruptio* — порча, подкуп) — это преступление, заключающееся в прямом использовании должностным лицом прав, предоставленных ему по должности, в целях личного обогащения [3].

С точки зрения проводимого нами исследования, наибольший интерес представляет само коррупционное поведение, ангажированное определенным набором ценностей и опосредованное устойчивыми нормами, катализирующее систему производства и воспроизводства во времени деструктивных культурных значений.

Так, исследуя социальный мир, каким он является, и изучая закономерности взаимодействия структур и элементов в этом мире, Э. Дюркгейм отмечал: «Объяснение социальной жизни нужно искать в природе самого общества» [1; 398–399].

Об этом, в частности, свидетельствует наличие различной этической оценки деяниям с признаками коррупции. Так, если одни действия воспринимаются как преступные, другие — как безнравственные, либо вовсе не вызывают реакцию прямого неприятия. К последним относятся присущие традиционному обществу ценности, выраженные в поливариативных проявлениях аскриптивности и патернализма. При этом нарушение

принципа меритократии воспринимается с определённой долей понимания.

Следует отметить, что, рассматривая существующие различия, с одной стороны, как объективную данность, социология также стремится осмыслить природу этой объективности, предоставляя анализ самих социальных фактов.

Именно культурно-аналитическое направление социологической науки даёт возможность исследовать культурные детерминанты воспроизводства рассматриваемых деструктивных значений, ценностно-нормативное содержание социальных действий, опосредованных коррупцией.

Особенно важными в аспекте дальнейшего осмысления механизмов социокультурного сдерживания, на наш взгляд, являются идеи М. Вебера о смысловом содержании и ориентированности на других в деятельности индивидов. Он пишет: «Действием мы называем действие человека (независимо от того, носит ли оно внешний или внутренний характер, сводится ли к невмешательству или терпеливому приятию), если и поскольку действующий индивид (или индивиды) связывают с ним субъективный смысл. Социальным мы называем такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом (или действующими лицами) смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него» [4; 58].

Таким образом, восприятие коррупционных проявлений в социуме только с позиции экономики, без учёта её социокультурной специфики, приводит к узости восприятия потенциальных возможностей противодействия данному феномену.

Так, по мнению западных исследователей, существуют три возможных подхода к уменьшению феномена коррупции [5; 496]. Во-первых, ужесточение законов и их исполнения, тем самым повысив риск наказания. Во-вторых,

создание экономических механизмов, позволяющих должностным лицам увеличить свои доходы, не нарушая правила и законы. В-третьих, усиление роли рынков и конкуренции, тем самым уменьшив размер потенциальной прибыли от коррупции. К последнему также относится конкуренция в предоставлении государственных услуг при условии дублирования одними государственными органами функций других органов. Большинство из вышеперечисленных методов относится к внутренним либо внешним механизмам надзора.

Общепринято считать, что главным мотивом коррупционных проявлений в социуме является возможность получения экономической прибыли, связанной с использованием властных полномочий, а главным сдерживающим фактором – риск разоблачения и наказания. На наш взгляд, если первая часть данного утверждения достаточно объективно раскрывает мотивацию действий, то вторая оставляет открытое поле для дискуссий. Несовершенство и ограниченность возможностей, предоставляемых внутренним и внешним надзором, отсутствие положительной динамики в борьбе с коррупцией убедительно подтверждают это.

Следует отметить, что коррупционным проявлениям подвержен любой индивид, обладающий дискреционной властью – властью над распределением каких-либо не принадлежащих ему ресурсов по своему усмотрению. При отсутствии у кого-либо такой власти коррупция была бы не возможна [6].

Суть проблемы борьбы с коррупцией сформулировал Д. Мэдисон: «Если бы людьми правили ангелы, ни в каком надзоре над правительством – внешнем или внутреннем – не было бы нужды. Но при создании правления, в котором люди будут вестись людьми, главная трудность состоит в том, что в первую очередь надо обеспечить

правляющим возможность надзирать над управляемыми; а вот вслед за этим необходимо обязать правящих надзирать за самими собой» [7].

Таким образом, вырабатывается бесконечная система средств, при которой высшая инстанция всегда обречена оставаться бесконтрольной, при этом она сама находится на вершине дискреционной власти, которая и продуцирует риск коррупции.

По мнению исследователя П. Блау, изучавшего проблемы власти в аспекте социального взаимодействия, существует четыре основных вида вознаграждения, какие может потребовать человек, оказывающий услугу: деньги, социальное одобрение, уважение и уступки [8]. Наиболее ценное средство вознаграждения – это уступки, изменение поведения со стороны получателя услуги, в результате чего тот, кто оказывает услугу, может получить фактически всё, что ему необходимо. При этом уравнение неравных услуг происходит через неэквивалентный обмен [9; 16].

Об ограниченности подходов к пониманию коррупции как социального явления и, соответственно, представлений о механизмах противодействия коррупции также свидетельствует отсутствие в приведённом выше определении таких категорий, как менталитет, ценность, мораль и др.

Необходимо отметить, что наше государство активно ведет борьбу с коррупционными проявлениями в обществе. Для повышения ее эффективности были разработаны национальная стратегия и национальный план противодействия коррупции, утвержденные указом Президента РФ от 13.04.2010 г. № 460 [10].

Национальная стратегия противодействия коррупции, являясь общим программным документом, положения которого направлены на устранение коренных причин коррупционных проявлений

в обществе, одной из важнейших задач при реализации государственной антикоррупционной политики определяет задачу по коренному перелому общественного сознания, формированию в обществе атмосферы жёсткого неприятия коррупции.

Решение данной задачи обеспечивается, прежде всего, путём планомерного повышения правовой культуры населения, достижения максимальной прозрачности процедур предоставления государственных услуг, а также постоянной адресной профилактической работой во всех государственных и муниципальных органах и в саморегулируемых организациях [10].

В то же время мы можем говорить о том, что в тексте Стратегии не нашли должного отражения выводы социологов о культурных детерминантах социальных действий, в контексте определения новых эффективных механизмов противодействия коррупции.

Следует также отметить, что коррупция рассматривается в социологии как дисфункциональное явление в современной бюрократии и подпадает под классификацию латентных функций и дисфункций, разработанную в свое время Р. Мертоном. Учёный поставил вопрос о том, что решения, принимаемые при создании, развитии, совершенствовании бюрократических организаций и вырабатываемые на основе принципа функциональной целесообразности, могут иметь скрытые последствия (латентные функции и дисфункции).

Так, наряду с вышеизложенными определениями, коррупция также рассматривается как термин, обозначающий обычно использование должностным лицом своих властных полномочий и доверенных ему прав в целях личной выгоды, противоречащее законодательству и моральным установкам.

Проведённый нами анализ литературы интегративного свойства,

на различных научных полях рассмотрения данной тематики, позволяет отметить, что подобная трактовка встречается крайне редко. По нашему мнению, это обусловлено, прежде всего, тем, что деструктивные поступки индивида, обладающего дискретной властью, не могут, априори, самостоятельно (обособленно) противоречить моральным установкам. Поскольку коррупция – как вид социального взаимодействия – в ряде случаев несёт в себе признаки сотрудничества, мы можем говорить о наличии следующих специфических особенностей: обоюдной заинтересованности, выгоды взаимодействия для обеих сторон, при котором ни одна из них не ущемлена в той степени, которую сама сочтёт неразумной, неприемлемой, то есть каждая сторона получает то, что признаёт приемлемым для себя.

Какими бы ни были виды коррупционных проявлений, вне зависимости от сферы их существования, будь то взаимодействие рядовых граждан и чиновников,

власти и бизнеса, в основании этих интеракций стоит индивид, принадлежащий к определённому социальному слою, придерживающийся собственных культурных значений, оценивающий ситуацию, предусматривающий последствия, желающий наступления результатов, осуществляющий выбор действий, принимающий решение по их осуществлению и т.д.

Подводя итоги проведённого нами краткого анализа феномена коррупции с позиции интегративных и общесоциологических знаний, считаем целесообразным предложить вывод о том, что именно «культурными» и «социальными» аспектам общества продуцируются различные деструктивные значения, в том числе разнообразные виды коррупции. Таким образом, особого внимания заслуживает анализ данного феномена именно в призме социологии культуры, рассмотрение на ее научном поле имеющихся подходов к изучению коррупции в современной исследовательской парадигме.

Примечания:

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991.
2. Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. 3-е изд. М.: Логос, 2000.
3. Словарь юридических терминов. М., 2000. С. 121. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/15689>
4. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
5. Ades A., Di Tella R. The new economics of corruption: a survey and some new results // *Political Studies*. 1997. Vol. 45, No. 3.
6. Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы / пер. с англ. О.А. Алякринского. М.: Логос, 2003.
7. Латов Ю.В. Теневая экономика: альманах. 2007. № 1.
8. Блау П.М. Исследование формальных организаций // *Американская социология. Проблемы. Перспективы. Методы*. М., 1972.
9. Эфендиев А.Г. Общая социология: учеб. пособие. М., 2000.
10. Национальная стратегия противодействия коррупции. Утв. Указом Президента РФ от 13.04.2010 г. № 460. URL: <http://base.garant.ru/12174916/>

References:

1. Durkheim E. The division of labour in society. The sociological method. M., 1991.
2. Ionin L.G. Sociology of culture: the way to the new millennium. 3rd edition, M.: Logos, 2000.

3. The dictionary of legal terms. М., 2000, P. 121. <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/15689>
4. Weber M. Selected works. М.: Progress, 1990.
5. Ades A., Di Tella R. The new economics of corruption: a survey and some new results // Political Studies. 1997. Vol. 45, No. 3.
6. Rose-Ackerman S. Corruption and government. Causes, consequences and reform / Transl. from English by O.A. Alyakrinsky. М.: Logos, 2003.
7. Latov Yu.V. Shadow economy. Almanac No. 1, 2007.
8. Blau P.M. The study of formal organizations / American sociology. Problems. Prospects. Methods. М., 1972.
9. Efendiyev A.G. General sociology. A manual. М., 2000.
10. The National Anti-Corruption Strategy. Approved by the RF Presidential Decree of 13.04.2010, No. 460.